DOI: 10.17976/jpps/2024.01.05
EDN: OCMRQH

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ – ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ – ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА: АРТИКУЛЯЦИЯ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ

В.С. Левицкий

ЛЕВИЦКИЙ Виктор Сергеевич, доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, философский факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, email: Victorsl2609@gmail.com

Левицкий В.С. 2024. Философия политики – политическая философия – политическая наука: артикуляция проблемного поля. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 52-66. https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.05. EDN: OCMRQH

Статья поступила в редакцию: 19.01.2023. Принята к публикации: 05.07.2023

Аннотация. Статья посвящена определению проблемных полей философии политики, политической философии и политической науки. Учитывая отсутствие устоявшегося различения предметов этих наук в русскоязычном дискурсе, автор обращается к англоязычной традиции. Проведенный анализ данного дискурса показывает: 1) отсутствие различения политической философии и философии политики, роль которой отчасти исполняет политическая онтология как часть политической философии; 2) наличие различения между политической теорией и политической философией; 3) зависимость парадигмы взаимоотношений политической теории и политической философии от консенсуса, выработанного в национальной интеллектуальной традиции. В англоязычном дискурсе на передний план выходит вопрос соотношения политической науки и политической философии. Последняя рассматривается как подчиненная, составная часть политической науки. Показано, что на основании критерия "недостаточной научности" не прекращаются попытки исключить политическую философию из корпуса политической науки. В статье обосновывается позиция, согласно которой при кажущейся схожести предметы политической науки и политической философии не совпадают: дисциплинарная онтология политической науки может стать предметом политической философии. Относительно соотношения философии политики и политической философии в статье обосновывается несколько тезисов. Во-первых, проводится различение философии политики и политической философии и аргументируется их нетождественность. Во-вторых, критически рассматривается позиция, согласно которой философия политики относится к области философии, а политическая философия – к политической науке, и обосновывается принадлежность обеих дисциплин к философскому корпусу знаний. В-третьих, демаркацию между философией политики и политической философией предлагается провести в соответствии с различием их предметов: предметом философии политики является феномен политического, предметом политической философии – политические феномены.

Ключевые слова: философия политики, политическая философия, политическая наука, онтология, метафизика, философия, наука.

Данная статья ставит целью концептуализацию предметных полей политической науки, политической философии и философии политики. В связи с этим может возникнуть резонный вопрос: зачем поднимать эту тему и рас-

шатывать так нелегко сформировавшийся консенсус по данной проблематике: политическая философия является составной частью политической науки, а философия политики – синонимом политической философии? Однако однозначное единогласие по этому вопросу иллюзорно.

Два десятка лет назад журналами "Вопросы философии" и "Полис. Политические исследования" совместно с факультетом политологии МГИМО МИД России был проведен круглый стол "Политическая философия в России. Настоящее и будущее", на котором одним из центральных был вопрос соотношения философии политики, политической философии и политической науки [Политическая философия... 2002; Дискуссия. Саморефлексия политики... 2002]. Участники дискуссии обозначили различные (иногда – противоположные) позиции по этому вопросу, но, как и следовало ожидать, консенсусом эта полемика не увенчалась. Сложно говорить о его наличии и по состоянию на сегодня, что подтверждают публикации последнего времени [Философия политики... 2014; Миронова 2019; Алексеева 2018; Мюрберг 2018]. Следует сказать, что и в западной политической науке нет единства в вопросе соотношения политической науки, политической философии и философии политики. Его решение имело различные варианты и всегда зависело от господствующей парадигмы: в рамках бихевиоризма политическая философия полагается инородным явлением, которому было не место в рамках строгой науки, в то время как политологическая герменевтика или политическая феноменология рассматривают философию как собственный неотъемлемый элемент.

Автор предлагает подойти к рассмотрению этого вопроса путем анализа тематического содержания предметных полей указанных дисциплин, что позволяет предложить решение проблемы их соотношения и тем самым внести вклад в диалог о структуре политического знания.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА СЛУЖБЕ У ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ЗАПАДНЫЙ (АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ) ДИСКУРС

Отсутствие консенсуса в российской науке относительно соотношения философии политики и политической философии создает повод обратиться с этим вопросом к западному (англоязычному) дискурсу. Как эта проблема решается западными мыслителями?

Если дать короткий ответ – никак не решается. И не потому, что западные мыслители не знают ответа на данный вопрос, а потому, что в англоязычном дискурсе такого вопроса нет. Можно сказать, что в англоязычном дискурсе теоретическая проблема различения философии политики и политической философии отсутствует. Сам термин "философия политики" является крайне маргинальным и практически не используется в нем. Интернет-поисковики на запрос "*philosophy of politics*" перебрасывают на страницы, содержащие термин "*political philosophy*", не идентифицируя "философию политики" как устоявшуюся дефиницию и не предлагая никаких ее вариантов.

Обращение в англоязычные электронные библиотеки и архивы научных журналов дает тот же результат: предлагаются работы по политической философии и практически отсутствуют исследования, содержащие термин "философия политики". Незначительными исключениями из десятков тысяч наименований являются исследования, предметом которых выступают

философско-политические взгляды определенных мыслителей. Так, Мортон Фриш в 1953 г. опубликовал статью "Философия политики Линкольна", посвященную анализу теоретических принципов политической деятельности А. Линкольна, к которым автор отнес "здравый смысл и идеализм" [Frisch 1953]. В работе Х.Ю. Джанга "Радикальная гуманизация политики: философия политики Мориса Мерло-Понти" (1967 г.) термин "философия политики" используется в значении "политической философии" [Jung 1967]. Монография Х. Брода "Философия политики Гегеля: идеализм, идентичность и современность" (1992 г.) посвящена анализу "Философии права" Гегеля. Там, где американский социолог размышляет о политических вопросах, он использует термин "политическая философия" [Brod 1992].

В целом можно сказать, что в англоязычном дискурсе нет устоявшейся традиции использования термина "философия политики". Те редкие случаи, когда это все же имеет место, в большей степени относятся к прошлому политического знания, и в этих исследованиях отсутствуют не только анализ различия философии политики и политической философии, но и определения философии политики как таковой. При этом гораздо больше внимания в западном дискурсе уделяется вопросу соотношения политической философии и политической науки.

Например, политическую науку в самом общем смысле британский коллектив авторов определяет как "дисциплину, которая научными методами изучает коллективное принятие решений (так они называют политику. – *Л.В.*)" [Marsh, Stoker 1995: 7]. С другой стороны, "центральный вопрос политической философии, – пишет А. Браун, – касается природы хорошего, или справедливого, общества" [Brown 1990: 9]. Соответственно, вопрос приобретает следующее звучание: как дескриптивную науку сочетать с нормативной дисциплиной и нужно ли это делать?

Пожалуй, наиболее иллюстративным ответом на этот вопрос является классификация наук. В 1948 г. на международном коллоквиуме по вопросам политической науки (Париж), проводимом в рамках работы комиссии ООН по образованию, науке и культуре, были определены составные части политической науки: политическая теория; политические институты; партии, группы и общественное мнение; международные отношения. Этот корпус дисциплин не является закрытым, поэтому в него могут вноситься незначительные изменения, однако его ядро остается актуальным и сегодня. Так, издание по политической науке и философии, подготовленное энциклопедией *Britannica*, выделяет в современной политической науке семь разделов: внутренняя политика, сравнительная политика, международные отношения, политическая теория (включающая политическую философию), государственное управление, публичное право, публичная политика [Duignan 2012]. А во "Введении в политическую науку" авторы пишут о ее четырех составляющих: политическая теория, международные отношения, сравнительный анализ политических систем и правительств, государственное управление. Политическая философия, согласно данной классификации, является частью политической теории [Moten, Islam 2004].

Такая систематизация с неизбежностью поднимает еще один вопрос: соотношение политической теории и политической философии. В этом контексте можно выделить как минимум три подхода, по-разному решающих

данную теоретическую проблему. Первый можно назвать отождествлением, в его рамках термины "политическая теория" и "политическая философия" используются синонимично и эксплицитно противопоставляются политической науке. Так поступает, например, И. Берлин в работе "Существует ли еще политическая теория?" [Berlin 1962]. Он регулярно использует эти понятия как взаимозаменяемые.

Второй подход справедливо определить как субординационный. Например, американский специалист по политической теории М. Уоррен следующим образом намечает разницу между теоретическим и философским в области политики. Теория имеет дело с вещами, которые эмпирически существуют, даже если речь идет об идеях или нормах. Философия касается концептуальных предпосылок и суждений, встроенных в теории. Это сущностная часть, от которой зависит объяснительный потенциал теории. "Политическая теория – пишет М. Уоррен, – это концептуальная схема, которая отбирает и организует информацию о политическом мире в объяснительных целях" [Warren 1989: 607]. Это, например, неомарксистские теории государства или теории рационального выбора. При этом политическая теория/философия являются составными частями "эмпирической теории" – политической науки.

В русле этой же традиции рассуждает А. Браун, когда называет политическую теорию совокупностью доктрин, касающихся предпочтительной организации общества или его аспектов. Примерами политических теорий он называет анархизм, либерализм, коммунизм и пр. [Brown 1990].

Политическая философия, согласно воззрениям А. Брауна, напротив, занимается концептуальными предпосылками политических теорий и суждениями об истине и ценностях. "Политическая философия, – утверждает он, – это философское обоснование политических теорий" [ibid.: 14]. Политическая философия занимается, как отмечает М. Уоррен, тремя группами вопросов: онтологическими, эпистемологическими, нормативными. Такое структурирование политической философии перекочевало и в русскоязычный дискурс. Так, с небольшими изменениями ему следует И.А. Василенко в учебном пособии "Политическая философия" [Василенко 2010].

Анализируя онтологическое измерение политической философии, М. Уоррен пишет: "...Мы неизбежно делаем общие допущения относительно природы реальности, которую исследуем. Они правильно должны быть названы *онтологическими допущениями,* так как они логически первичны по отношению к любым объяснениям и служат условиями их возможности" [Warren 1989: 609]. Эти предпосылки не могут быть изучены эмпирически, так как сами определяют свойства мира, который исследуется; они столь фундаментальны, что, как правило, воспринимаются нами как само собой разумеющиеся. К подобным онтологическим допущениям, детерминирующим мир политического, М. Уоррен относит такие характеристики человеческого существования, как сознание, язык, темпоральность, причинность, закономерность.

Решение принять одни онтологические допущения и отказаться от других принципиально меняет изучаемый объект. Например, бихевиористы считали, что только наблюдаемые факты, которые могут быть логически упорядочены, составляют политическую реальность. Теория рационального выбора, рассматривающая политику как следствие рациональной деятельности акторов, предполагает другой мир политического. Соответственно, речь идет об

онтологических основаниях политического знания/действия, составляющих предельный уровень мира политического и являющихся его центром.

Третий подход можно назвать дискурсивным. Его развивает Дж. Ганнел в своей работе "Происхождение политической теории: генеалогия американского призвания", где он обосновывает понимание политической теории как современного научного дискурса. Американский исследователь пишет, что существует подход, согласно которому политическая теория рассматривается как "наследница великой традиции политической мысли, конституированной каноном классических текстов от Платона до Маркса" [Gunnell 1993: 2]. Сам он отстаивает "реальную историю политической теории", которая является академической практикой, сформировавшей образ великой традиции и спроектировавшей ее как свое прошлое [ibidem]. То есть это научный дискурс, в который *post factum* была включена предшествующая политическая мысль как собственное великое прошлое. Дж. Ганнел пишет, что если политическую науку принято считать американским изобретением, то тем более это справедливо по отношению к политической теории. По его мнению, последняя формируется и активно развивается в промежуток с конца XIX в. до 1960-х годов как саморефлексия политической науки. Соответственно, политическая теория – это современный дискурс, появившейся в рамках политической науки как форма ее самоосмысления. Такой подход можно обнаружить и в русскоязычном дискурсе. Например, когда Б. Капустин пишет о политической философии как о сформированном в XIX в. дискурсе саморефлексии политики, он развивает этот подход.

Таким образом, согласно отмеченным подходам, политическая теория и политическая философия – достаточно взаимно интегрированные дисциплины, при этом согласно второму и третьему подходам они являются частью политической науки, первый подход эксплицитно противопоставляет политическую теорию/философию и политическую науку.

Возвращаясь же непосредственно к вопросу о соотношении политической науки и политической теории/философии[1], следует сказать, что их взаимодействие никогда не было простым. В зените бихевиористской эры в политической науке П. Ласлетт диагностировал смерть политической теории. Суть его аргумента достаточно проста: классическая политическая теория не может справиться с вызовами сегодняшнего дня, поэтому верифицируемое эмпирическое знание, которым должна быть политическая наука, – более подходящее на эту роль предприятие [Laslett 1956]. Очень скоро на такое заявление И. Берлин откликнулся контрпозицией. Его система аргументов тоже достаточно прозрачна: пока не определены конечные цели человека и способы их достижения, он обречен на политическую философию. Выражаясь еще проще: политическая философия будет существовать до тех пор, пока будет существовать человек [Berlin 1962].

Такому напряжению во взаимоотношениях политической науки и политической философии не стоит удивляться. Политическая наука является результатом приложения научной рациональности к миру политического и как любая сциентистски ориентированная дисциплина она требует как минимум подчинения себе иных форм знания, как максимум – их замеще-

[1] Речь идет о политической теории в той части, которая включает политическую философию.

ния. И в этом отношении мысль П. Ласлетта не является ни неожиданной, ни оригинальной. Это лишь частный случай преломления антиметафизического (антифилософского) позитивистского императива. В свое время его суть была емко сформулирована членами Венского кружка: “Представители научного миропонимания решительно стоят на почве простого человеческого опыта. Они уверенно работают над тем, чтобы убрать с дороги тысячелетний метафизический и теологический хлам. Или, как считают некоторые: вернуться после метафизического междувременья к единообразной посюсторонней картине мира...” [Карнап, Ган, Нейрат 2005: 26].

Но даже после того как ореол позитивизма несколько поблек, а его третья волна плавно сменилась постпозитивизмом, попытки политической науки подчинить/исключить политическую теорию/философию не прекратились. Так, например, широкий резонанс имело решение Пенсильванского университета в 2007 г. исключить политическую теорию из перечня дисциплин, изучаемых по программе политической науки. Это решение активно обсуждалось на страницах профильных журналов и имело скорее больше противников, нежели сторонников. Тем не менее оно лишний раз подчеркнуло подчиненное положение политической теории/философии. Так, Э. Регфельд в стиле несколько смягченного позитивизма пишет, что существуют разные версии политической теории, и та из них, которая сама является наукой, правомерно входит в систему политической науки. Для того чтобы провести демаркацию между политической наукой и ненаукой, автор предлагает три критерия: объектом являются политические феномены, признается существование независимого от наблюдателя мира, состоящего из фактов, есть возможность верификации/фальсификации [Rehfeld 2010: 471-472]. Политическая теория, соответствующая данным критериям, признается наукой и должна входить в систему политической науки, знание, не отвечающее данным критериям, должно из нее элиминироваться. Со своей стороны, Р. Корбетт обвиняет Э. Регфельда в слишком узком понимании политической теории и сведении ее к эмпиризму и позитивизму, но при этом не сомневается в структурной зависимости политической теории от политической науки [Corbett 2011]. А Г. Касза предупреждает, что маргинализация политической теории приводит к маргинализации всей политической науки [Kasza 2010].

Из сказанного нетрудно заметить, что в более общем плане вопрос соотношения политической науки и политической теории/философии – это вопрос о соотношении гуманитарных дисциплин и социальных наук. Как отмечает Т. Болл, позитивистски настроенные авторы рассуждают следующим образом: если политическая теория изучает историю политической мысли, тогда ее место в департаменте истории, если политическую философию – тогда в департаменте философии [Ball 2007]. И в том и в другом случае речь идет о гуманитарных дисциплинах, политическая же наука является частью социальных наук. Поэтому политическая наука как часть социальной науки, а значит и науки вообще, считает себя в каком-то смысле более высокой формой знания по отношению к теории/философии, наукой по определению не являющейся, что и зафиксировано в системе классификации политической науки. Как писал об аналогичной ситуации, только на другом материале, Кант (как известно, речь у него идет о споре богословского (высшего) и философ-

ского (низшего) факультетов), политическая наука "заботится о том, чтобы не вступать в неравный брак с низшим факультетом" [Кант 1966: 319].

Суммируя, подчеркнем, что подход, согласно которому вопрос о сочетании дескриптивной политической науки и нормативной политической философии решается требованием "онаучивания" философии, либо же исключения ее из корпуса политической науки, является если не магистральным, то весьма авторитетным. При этом практически все исследователи отмечают разнородность политической науки и политической философии. Претензии политической науки к политической теории/философии, вслед за Т. Боллом можно обобщить следующим образом: политическая теория изучает идеи, а не факты, прошлое, а не настоящее, нормы, а не действительность [Ball 2007]. Но в чем природа такой разнородности и каково, исходя из этого, их адекватное соотношение в системе знания? Принято искать ответ на этот вопрос в плоскости степени абстрактности теории: политическая наука – теория среднего уровня, политическая философия – общего. Однако, судя по всему, в действительности это вопрос разных "плоскостей".

Согласно концепции, предложенной В.С. Степиным, структура научного знания включает основания науки, теорию и опыт. В свою очередь основания науки состоят из научной картины мира, идеалов и норм науки и философских оснований науки. Научная картина мира, выступая онтологией науки, задает тип предметности изучаемой реальности. В этой связи можно говорить об общенаучной картине мира (универсальной онтологии), естественно-научной или социальной научной картине мира, и специальных научных картинах мира (дисциплинарных онтологиях). Именно дисциплинарная онтология "вводит представления о главных системно-структурных характеристиках предмета соответствующей науки" [Степин 2000: 218]. Примерами таких онтологий могут быть механическая картина мира в физике XVII-XVIII вв. или бихевиористская картина мира в политической науке первой половины – середине XX в. Уточняя понятие онтологии науки, К. Хюбнер, писал: "Онтология есть рамки, в которых все данное чувственно воспринимается, духовно толкуется, обрабатывается, расчленяется, формируется; она представляет собой нечто вроде координатной системы, в которой все упорядочивается" [Хюбнер 1999: 120]. Устанавливая природу изучаемого объекта, онтология тем самым задает границы, способы и методы этого познания, т.е. определяет эпистемологию и методологию исследования. Справедливо сказанное и по отношению к политической науке. Так, например, К. Хей в статье "Политическая онтология", включенной в Оксфордский справочник по контекстуальному политическому анализу 2006 г., утверждает: чтобы определить, что мы можем знать (эпистемология) и какими методами это знание может быть достигнуто (методология), нужно сначала знать природу изучаемого объекта (онтология) [Hay 2006].

Здесь важно дополнительно подчеркнуть, что дисциплинарная онтология является фундаментальным уровнем науки, и ее не следует путать с онтологией как специальной философской дисциплиной и с философской рефлексией по поводу онтологии науки, как это, судя по всему, делает М. Уоррен по отношению к онтологии политической науки. Дисциплинарная онтология – это наиболее фундаментальный и абстрактный уровень научной дисциплины, задающий понимание природы, изучаемой ею реальности.

Во избежание путаницы следует отметить, что о политической онтологии говорят в двух основных смыслах. Во-первых, как о дисциплинарной онтологии политической науки, как о совокупности фундаментальных представлений о природе политического. В этом смысле она является неотъемлемой и наиболее фундаментальной частью политической науки и к ней применимо все, что сказано о дисциплинарной онтологии выше. Во-вторых, имеют в виду рефлексию относительно этих установок, т.е. философское осмысление и анализ дисциплинарной онтологии политической науки, и тогда политическая онтология выступает частью политической философии.

Вторым элементом оснований науки являются идеалы и нормы исследования, определяющие принципы описания, объяснения, доказательности и т.д. Третьей составляющей фундамента науки выступают философские основания науки, "которые обосновывают принятую картину мира, а также идеалы и нормы науки, благодаря чему вырабатываемые наукой представления о действительности и методах ее познания включаются в поток культурной трансляции" [Степин 2000: 706-707].

Проведенный анализ проясняет нам, что философия входит в состав научной дисциплины только в качестве ее философских оснований, а не в статусе субдисциплины. Философия делает своим предметом основания науки, а в своих специальных формах ("философия физики", "политическая философия" и т.д.) – исходные положения конкретных дисциплин и дисциплинарных онтологий. Все субдисциплины конкретной науки формируются в рамках дисциплинарной онтологии этой науки, которая и задает им общий предмет исследования. Так, например, теоретическая или ядерная физика развивается в рамках дисциплинарной онтологии физики, а международные отношения или государственное управление – в рамках дисциплинарной онтологии политической науки. Философия физики не формируется в рамках дисциплинарной онтологии физики, а делает ее своим предметом, поэтому она не является частью корпуса физических дисциплин наряду с теоретической или ядерной физикой, хотя может и должна изучаться в программе подготовки физиков-ядерщиков как теоретический контекст, легитимирующий физические исследования. В такой же степени и политическая философия является философской, а не политологической дисциплиной, так как она не формируется в рамках дисциплинарной онтологии политической науки, а делает ее своим предметом. Именно в силу этого политическая философия в обязательном порядке должна быть частью программы подготовки политологов.

Дисциплинарная онтология может стать специальным предметом философии, что, очевидно невозможно для любой субдициплины, сформированной в рамках данной дисциплинарной онтологии. Более того, философия и является тем уникальным дискурсом, в котором онтология (универсальная или дисциплинарная) может стать специальным предметом исследования. Соответственно, не может дискурс, в котором осуществляется рефлексия по отношению к онтологии, быть в то же время ее (онтологии) составной частью. А именно так получается, когда политическая философия получает прописку в департаменте политической науки. Это извечное желание господствующей рациональности (и наука здесь мало чем отличается от теологии) подчинить философию и заставить ее обслуживать собственные цели. Но в конечном счете это плохо сказывается как на философии, так и на той области знания,

которой ее пытаются подчинить: философия должна не обслуживать чужие цели, а, в идеале, исходя из понимания целого, ставить их для всей системы наук. Сказанное, наверное, не повод пересматривать устоявшуюся традицию и исключать политическую философию из системы политической науки. Но стоит вновь вспомнить уже упоминавшееся произведение Канта, в котором он в контексте спора двух факультетов предлагал задаться риторическим вопросом относительно роли философии: "...*несет* ли эта служанка перед милостивой госпожой *факел* или шлейф позади нее" [Кант 1966: 325]. Всем своим творчеством немецкий философ дает перформативный ответ на него.

В связи с вышесказанным заключение данной части исследования можно сформулировать в виде рекомендации. Придание, как того требуют позитивистски настроенные авторы, политической философии наукообразного вида элиминирует все то, что интересно и ценно в ней для политической науки и что делает ее уникальной в системе последней. От этого политическая наука значительно потеряет. Как будет это и в случае исключения политической философии из политологического знания – данный шаг лишит его предельной формы обоснования. Политическая философия должна оставаться в программе политической науки, только она должна не обслуживать цели последней, а быть целе- и смыслообразующим центром для нее.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ: ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ *VS* ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

В отличие от англоязычного дискурса, в русскоязычном активно используются оба термина: как "философия политики", так и "политическая философия". С одной стороны, это обогащает интеллектуальную традицию, с другой – создает проблему размежевания двух областей знания. Считается, что различение философии политики и политической философии ввел И. Берлин. Эта мысль кочует из публикации в публикацию и даже подтверждается цитатой. Так, якобы под философией политики И. Берлин понимал приложение философского знания к политике, а политическую философию называл "саморефлексией в политике как ее внутренним знанием самой себя". Причем ссылаются в этом случае всегда не на работу самого И. Берлина, а на материалы того круглого стола, речь о котором шла в начале статьи [Политическая философия... 2002]. Трудно однозначно утверждать, что И. Берлин никогда и нигде не говорил / не писал о различении философии политики и политической философии, но кое-что все же можно сказать наверняка. Во-первых, пожалуй, в наиболее теоретически ориентированной работе британского мыслителя по политической философии "Существует ли еще политическая теория?" он не занимается различением философии политики и политической философии, а термин "философия политики" не употребляет вовсе. Как не делает он этого и в других своих знаковых произведениях, подобных работе "Два понимания свободы". Во-вторых, в материалах указанного круглого стола И. Берлин и его работы не упоминаются. В-третьих, цитата, которая приписывается британскому философу, на самом деле является перефразированием мысли Б.Г. Капустина профессором М.В. Ильиным. В этом не сложно убедиться, ознакомившись с материалами указанного круглого стола.

Так или иначе, вне зависимости от авторства различения данных терминов, для русскоязычного дискурса их словоупотребление является вполне

устоявшимся. Обобщая современное состояние данного вопроса, можно выделить три магистральных подхода к его решению. Авторы первого подхода игнорируют (сознательно или нет) наличие такой дистинкции и употребляют только один из обозначенных терминов (чаще "политическая философия"). Так поступает, например, А. Пятигорский, который в работе "Что такое политическая философия: размышления и соображения" ни разу не пользуется понятием "философия политики" [Пятигорский 2007]. В целом практически все работы, которые не посвящены теоретической проблеме размежевания двух областей знания, написаны в таком ключе.

Согласно второму подходу, термины "философия политики" и "политическая философия" синонимичны. Это достаточно устоявшаяся традиция, к которой с теми или иными оговорками могут быть отнесены работы А.С. Панарина, И.А. Гобозова, Е.В. Мощелкова, Д. Мироновой, И.А. Василенко и др. Некоторые авторы просто используют данные категории как взаимозаменяемые, не углубляясь в обоснование такого словоупотребления. Отдельные авторы считают, что эти области знания настолько взаимно пересекаются, что их синонимичное использование закономерно.

Представители третьего подхода (Т.А. Алексеева, Б.Г. Капустин, И.И. Мюрберг и др.) эксплицитно разводят философию политики и политическую философию и предлагают собственные основания такой дивергенции. Авторы, придерживающиеся данного подхода, пытаются дать свое определение каждой дисциплине и в соответствии с этим показать их соотношение. Например, Т.А. Алексеева считает философию политики интегральной частью философского знания, изучающей "наиболее общие основания политической деятельности, власти и политической морали, природу и сущность самой политики, политических ценностей и целей. Это, если можно так выразиться, взгляд на политику 'извне', 'снаружи'" [Алексеева 2018: 19]. С другой стороны, политическая философия – это область политологического знания, в этом случае познающий субъект находится внутри политического, это не философское рассмотрение политики, а "политическое, общественное рассмотрение философии" [там же: 19-20].

Со своей стороны, Б.Г. Капустин предлагает считать философию политики "...приложением 'общей философии' к специфическому предмету политики" [Политическая философия... 2002: 9]. Это сфера экстраполяции "неизменных сущностей", как бы они ни были поняты (природа человека, план истории, законы прогресса и т.д.), найденных в области общей философии, в мир политического, который ими и детерминируется [Капустин 2011: 42]. В силу делегитимации эссенциалистской метафизики, по мнению Б.Г. Капустина, такой способ рассмотрения политики стал неэвристичным и устаревшим. Политическая же философия – это "саморефлексия политики" [Политическая философия... 2002: 9]. Это знание политики самой себя, где она рассматривается как особая действительность, невыводимая ни из каких вне- и дополитических реальностей.

Принимая во внимание многообразие позиций, первым вопросом, требующим разрешения, должен стать вопрос тождества: одно ли это и то же, философия политики и политическая философия. В контексте ответа на данный вопрос более обоснованной представляется позиция солидарности с авторами, отвечающими на него отрицательно: это вещи разные. Чтобы лучше это почув-

ствовать, уместно прибегнуть к аналогии. В философской системе знаний не так много наименований областей, столь симметричных по конструкции, как философия политики и политическая философия. Так, например, существует, философия науки или философия истории, но нет научной философии (если не считать таковой марксизм-ленинизм советского периода) и исторической философии (история философии, очевидно, вещь совершенно иная). С другой стороны, есть социальная философия, но нет философии социума.

Обращение к аналогичной устоявшейся в философском дискурсе паре позволит лучше почувствовать специфику каждой дисциплины. Существует философия религии и религиозная философия, но, наверное, никто не будет настаивать на их тождественности, а понятия употреблять синонимично. Предметом философии религии является феномен религиозного (мир религиозного). Представителем философии религии может быть и человек индифферентный к религиозной жизни, и даже атеист – его интересует ответ на вопрос: что есть религия? В этом отношении и Маркс, и Ницше, и Фрейд (которых исследователи относят к ряду атеистических мыслителей) могут рассматриваться как философы, создавшие собственные концепции философии религии. Другое дело религиозная философия, ее предметом являются религиозные феномены, вернее любой феномен социальной реальности трактуется как религиозный. Религиозная философия всегда конфессиональна и сложно представить атеистического религиозного философа. То есть ответом на первый вопрос является признание нетождественности философии политики и политической философии. Соответственно, встает вопрос о природе их различия: где проходит водораздел между ними?

Согласно классификации Т.А. Алексеевой, политическая философия признается политологическим знанием. С этим сложно согласиться, поскольку в таком случае возникает ряд проблемных вопросов. Например, почему тогда в понятии “политическая философия” субъектом, который должен определяться предикатом “политическая”, значится “философия”, а не “наука”? И зачем нужно было науку называть философией, т.е. политологическое знание называть философским? Принимая такую классификацию, придется признать и то, что, например, Платон, Аристотель и Фома Аквинский были представителями политической науки – политологами. Даже если смягчить формулировку и согласиться с позицией, согласно которой политическая философия является достаточно современной дисциплиной, включившей классическую философско-политическую мысль постфактум, политологами придется назвать, например, Л. Штрауса или Х. Арендт, что выглядит крайне сомнительно, учитывая, что Л. Штраус всемерно подчеркивал свою связь как раз с классической политической философией.

Проблемной выглядит и предложенная Б.Г. Капустиным дефиниция политической философии как знание политикой самой себя. В таком случае моральная философия – это знание моралью самой себя, социальная философия – социумом, а эстетика – искусством. Рассыпается в таком случае и корпус философского знания, который оказывается не связан между собой, а философия, объединявшая политическую, социальную, моральную и т.д. философии, перестает быть их общим знаменателем. Вместе с тем в рамках данного подхода философии политики отказано в эвристичности на основании невозможности обосновать кросс-культурные инварианты, универсальные

для всего человечества. Развивая эту логику, нечто аналогичное нужно сказать и в адрес философии в целом, так как эта неспособность исходит именно от нее. На самом деле речь в этом случае идет не о денонсации философии, а о замене метафизического типа философствования постметафизическим: философия от этого не утрачивает эвристичность и легитимность, а приобретает новую форму. Десубстанциализация философского знания не приводит к его делегитимации, соответственно, не отменяет это и возможность философии политики.

Отталкиваясь от вышесказанного, в завершение можно предложить авторскую концептуализацию предметного поля философии политики и политической философии, которая позволит лучше определить их соотношение. *Объектом философии политики является социальная реальность (сущее), предметом – феномен политического.* Философия политики ищет свой предмет в мире как целом и пытается понять его (предмета) онтологический статус. Ее могут интересовать и политические феномены, такие как власть, насилие, государство, но только для решения собственного вопроса – что есть мир политического. В этом смысле стоит согласиться с Т.А. Алексеевой относительно того, что философия политики – это взгляд на политику извне. Философию политики интересует, что есть политика, это ее центральный вопрос. Можно представить себе, что исследователя интересует только этот вопрос и его не беспокоит проблема функционирования и улучшения мира политического, тогда он остается в области философии политики и не переходит в сферу политической философии. Так, например, когда И.А. Ильин концептуализирует политику как служение и отказывается отождествлять ее с борьбой за государственную власть, противостоянием политических партий и т.д., он выступает как философ политики [Ильин 1993]. Его интересует тематизация политики (что есть политика), дабы под ней не понималось ничего, что этого высокого наименования не заслуживает. При этом функционирование мира политического в данном контексте его не интересует.

Объектом же политической философии является мир политического (политическая реальность), предметом – политические феномены. Политическая философия, подчеркнем, подобна царю Мидасу: все, к чему она прикасается, превращается в политические феномены. В этом ее сходство с религиозной философией, которая любое событие/факт может трактовать как религиозный феномен[2]. Поэтому политическими феноменами могут становиться, казалось бы, далекие от сферы политики вирусы, трубопроводы, полупроводники и т.д. Соответственно, сложно согласиться с авторами, которые считают политическую философию саморефлексией политики. Политическая философия – это философское знание политических феноменов. Предметом политической философии, как правило, выступают: государство, власть, насилие, справедливость и др. Возвращаясь к примеру с работами И.А. Ильина, можно сказать, что там, где после концептуализации политики он рассуждает о государстве, партиях, классах, он выступает в качестве политического философа. Здесь его не интересует, что такое политика: предметом его внимания являются политические феномены (государство, партии и пр.). Такой ракурс позволяет также дополнительно эксплицировать разницу между политической философией и политической наукой. В сферу интересов последней, в отличие от политической философии, не попадает тематизация справедливости, а, например,

[2] См. под этим углом зрения “Оправдание добра” В. Соловьева или “Свет Невечерний” С. Булгакова.

в вопросах власти и государства ее интересуют принципы организации и функционирования, но не их онтологический статус или конечные цели.

Если принято считать, что политическая философия развивалась по линии моральной философии, это часть практической философии – этика в приложении не к индивиду, а к сообществу [Berlin 1962; Brown 1990; Thompson 2010], то философия политики – это скорее линия метафизики (первой философии, как ее называл Аристотель). Философия родилась как попытка ответа на вопрос: что есть? Аристотель придал ему знаменитый философичный вид: что есть сущее как сущее? Философия всегда интересуется бытием определенного сущего, в пределе (как метафизика) сущего как такового. Для философии политики таким сущим выступает феномен политического, для политической философии – политические феномены. Поэтому отличаются и труды, посвященные каждой из проблематик: классическим примером работы по философии политики можно назвать "Понятие политического" К. Шмитта, по политической философии – "Теорию справедливости" Дж. Роулза. При этом действительно иногда бывает трудно однозначно отнести то или иное произведение к философии политики или политической философии. Происходит это в силу того, что любая политическая философия, хотя бы имплицитно, содержит философию политики, составляющую ее (политической философии) смысловой центр. Так же, как любая философская система (даже антиметафизической направленности), собственным ядром имеет определенную метафизику.

Таким образом, философия политики и политическая философия – вещи не тождественные, отличающиеся и по объекту, и по предмету. При этом не настолько они различны, чтобы принадлежать к разным сферам духа – это знание философское и по природе, и по методу.

ВЫВОДЫ

Суммировать вышесказанное можно коротким резюме. Предметные поля философии политики и политической философии не идентичны, но при этом они остаются смежными, родственными дисциплинами, так как составляют корпус единой системы знания – философии. Это один взгляд на разные предметы. Предметное поле политической науки детерминируется ее дисциплинарной онтологией, которая, в свою очередь, может стать предметом политической философии. В связи с чем политическая философия является частью философского корпуса знаний, а политическая наука – социально-научного.

DOI: 10.17976/jpps/2024.01.05

THE PHILOSOPHY OF POLITICS – POLITICAL PHILOSOPHY – POLITICAL SCIENCE: ARTICULATION OF THE PROBLEM AREA

V.S. Levytskyy[1]

[1] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

LEVYTSKYY, Victor Sergeevich, Dr. Sci. (Philos. Sci.), Department of the Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, email: Victorsl2609@gmail.com

Levytskyy, V.S. (2024). The philosophy of politics – political philosophy – political science: articulation of the problem area. *Polis. Political Studies*, 1, 52-66. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.05

Received: 19.01.2023. Accepted: 05.07.2023

Abstract. The article attempts to provide a definition for the problem area of the philosophy of politics, political philosophy and political science. Given the lack of a well-established distinction between the subjects of these sciences in the Russian-language discourse, the author turns to the English-language tradition. The analysis of this discourse shows the following: 1) the absence of a distinction between political philosophy and the philosophy of politics, which is replaced by political ontology as part of political philosophy; 2) the existence of a distinction between political theory and political philosophy; 3) the dependence of the paradigm of the relationship between political theory and political philosophy on the consensus developed in the national intellectual tradition. In the English-language discourse, the question of the relationship between political science and political philosophy comes to the fore. The latter is considered as a subordinate, integral part of political science. It is shown that, based on the criterion of "insufficient scientificity", attempts to exclude political philosophy from the political science do not stop. The article substantiates the position according to which, despite their apparent similarity, the subjects of political science and political philosophy do not coincide – the disciplinary ontology of political science can become the subject of political philosophy. When discussing the relationship between the philosophy of politics and political philosophy, the article presents several hypotheses. First, a distinction is made between the philosophy of politics and political philosophy and the author argues that they are distinct. Secondly, the position, according to which the philosophy of politics belongs to the field of philosophy, and political philosophy to political science, is critically examined, and the fact that the two disciplines belong to the philosophical corpus of knowledge is substantiated. Thirdly, it is proposed to demarcate between the philosophy of politics and political philosophy in accordance with the difference between their subjects. The subject of philosophy of politics is the phenomenon of the political, while the subject of political philosophy is political phenomena.

Keywords: philosophy of politics, political philosophy, political science, ontology, metaphysics, philosophy, science.

References

Ball, T. (2007). Political theory and political science: can this marriage be saved? *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*, 54(113). https://doi.org/10.3167/th.2007.5411302

Berlin, I. (1962). Does political theory still exist? In P. Laslett, & W.G. Runeiman (Ed.), *Philosophy, Politics and Society (Second Series)* (pp. 1-33). Oxford: Blackwell.

Brod, H. (1992). Hegel's philosophy of politics: idealism, identity and modernity. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press.

Brown, A. (1990). Modern political philosophy: theories of the just society. London: Penguin.

Corbett, R.J. (2011). Political theory within political science. *PS: Political Science and Politics,* 44(3), 565-570. https://doi.org/10.1017/S1049096511000679

Duignan, B. (Ed.). (2012). The science and philosophy of politics. London: Britannica Educational Pub.

Frisch, M.J. (1953). Lincoln's philosophy of politics. *Prairie Schooner,* 27(4), 385-388.

Gunnell, J.G. (1993). The descent of political theory: the genealogy of an American vocation. Chicago: University of Chicago Press.

Hay, C. (2006). Political ontology. In R.E. Goodin, & Ch. Tilly (Ed.), *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis* (pp. 78-96). Oxford, New York: Oxford University Press.

Jung, H.Y. (1967). The radical humanization of politics: Maurice Merleau-Ponty's philosophy of politics. *Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy,* 53(2), 233-256. https://www.jstor.org/stable/23678891

Kasza, G.J. (2010). The marginalization of political philosophy and its effects on the rest of the discipline. *Political Research Quarterly,* 63(3), 697-701. https://doi.org/10.1177/1065912910370693

Laslett, P. (Ed.) (1956). Philosophy, politics and society. Oxford: Basil Blackwell.

Marsh, D., & Stoker, G. (Ed.). (1995). Theory and methods in political science. London: Palgrave Macmillan.

Moten, A.R., & Islam, S.S. (2004). Introduction to political science. Singapore: Thomson Learning Asia.

Rehfeld, A. (2010). Offensive political theory. *Perspectives on Politics,* 8(2), 465-486. https://doi.org/10.1017/S1537592710001209

Thompson, M. (2010). Understand political philosophy: a teach yourself guide. London: McGraw-Hill.

Warren, M.E. (1989). What is political theory/philosophy? *PS: Political Science & Politics,* 22(3), 606-612. https://doi.org/10.2307/419629

Alekseeva, T.A. (2018). Sovremennaya politicheskaya mysl' (XX–XXI vv.): Politicheskaya teoriya i mezhdunarodnye otnosheniya [Modern political thought (XX–XXI centuries): political theory and international relations]. Moscow: Aspect Press Publishing House. (In Russ.)

Carnap, R., Hahn, G., & Neurath, O. (2005). The scientific conception of the world: the Vienna circle. (Russ. ed.: Carnap, R., Hahn, G., & Neurath, O. Nauchnoe miroponimanie – Venskii kruzhok. *Logos*, 2, 13-26).

Discussion. Self-reflection of politics (review of the materials of two journals' round table: Voprosy Filosofii and Polis). (2002). *Polis. Political Studies*, 2, 58-66. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2002.02.06.

Hübner, K. (1999). Die Wahrheit des Mythos. Uberverschiedene Zeitbegriffe in Alltag, Physik und Mythos. (Russ. ed.: Hübner, K. Progress ot mifa cherez logos k nauke kak teoretiko-poznavatel'naja problema. In I.T. Kasavin, & V.N. Porus (Ed.), *Razum i ehkzistentsiya: Analiz nauchnykh i vnenauchnykh form myshleniya* [Vernunft und Existenz Analyse Der Wissenschaftlichen und Auberwissenschaftlichen Denkformen] (pp. 114-125). St. Petersburg: RHGI Publishers.

Il'in, I.A. (1993) Put' k ochevidnosti [The way to insight]. Moscow: Respublika. (In Russ.)

Kant, I. (1966). Der Streit der Facultäten. (Russ. ed.: Kant, I. Spor fakul'tetov. In Kant I. *Sochineniya v 6 tomakh*. Vol. 6 (pp. 311-348). Moscow: Mysl').

Kapustin, B.G. (2011). Theses on political philosophy. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research,* 2, 39-46. (In Russ.)

Mironova, D. (2019). Politicheskaya filosofiya [Political philosophy]. Moscow: MSU Publishing House. (In Russ.)

Moshchelkov, E.N. (Ed.). (2014). Filosofiya politiki i prava. 100 osnovnykh ponyatii. Slovar' [Philosophy of politics and law. 100 basic concepts. Dictionary]. Moscow: Izdatel' Vorob'ev A.V. (In Russ.)

Myurberg, I.I. (2018). Toward the problem of self-justification of political philosophy from the standpoint of social epistemology. *Philosophy Journal,* 11(1), 28-44. https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-1-28-44. (In Russ.)

Piatigorsky, A.M. (2007). Chto takoe politicheskaya filosofiya: razmyshleniya i soobrazheniya. Tsikl lektsiy [What is political philosophy: reflections and considerations. A series of lectures]. Moscow: Europe Publishers. (In Russ.)

Politicheskaya filosofiya v Rossii. Nastoyashchee i budushchee [Political philosophy in Russia. Present and future. Round Table]. (2002). *Voprosy Filosofii*, 4, 3-30. (In Russ.)

Stepin, V.S. (2000). Teoreticheskoe znanie [The theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya publishers. (In Russ.)

Vasilenko, I.A. (2010). Politicheskaya filosofiya [Political philosophy]. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)

Литература на русском языке

Алексеева Т.А. 2018. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс.

Василенко И.А. 2010. Политическая философия. М.: ИНФРА-М.

Дискуссия. Саморефлексия политики (Обзор материалов круглого стола журналов "Вопросы философии" и "Полис"). 2002. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 58-66. https://doi.org/10.17976/jpps/2002.02.06. EDN: ESCUZD.

Ильин И.А. 1993. Путь к очевидности. М.: Республика.

Кант И. 1966. Спор факультетов. *Сочинения в 6 томах*. Т. 6. М.: Мысль. С. 311-348.

Капустин Б.Г. 2011. Тезисы о политической философии. *Политическая концептология*. № 2. С. 39-46. EDN: OGJLJZ.

Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. 2005. Научное миропонимание – Венский кружок. *Логос*. № 2. С. 13-26. EDN: XHKEPZ.

Миронова Д. 2019. Политическая философия. М.: Издательский дом МГУ.

Мюрберг И.И. 2018. К проблеме самообоснования политической философии (социально-эпистемологический подход). *Философский журнал*. Т. 11. № 1. С. 28-44. https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-1-28-44. EDN: YXBGVQ.

Политическая философия в России. Настоящее и будущее (материалы "Круглого стола"). 2002. *Вопросы философии*. № 4. С. 3-30. EDN: TRXBMR.

Пятигорский А.М. 2007. Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций. М.: Европа.

Степин В.С. 2000. Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция.

Философия политики и права. 100 основных понятий. *Словарь*. 2014. Под общ. ред. Е.Н. Мощелкова. М.: Издатель Воробьев А.В.

Хюбнер К. 1999. Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико-познавательная проблема. *Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления.* Под ред. И.Т. Касавина и В.Н. Поруса. СПб.: РХГИ. С. 114-125.